

Впервые я увидела Ярослава Галана во Львове летом 1946 года. Это было в кабинете редактора газеты «Вільна Україна», писателя Антона Хижняка. Присутствовал при нашем знакомстве и писатель Петро Козланюк.

— Очень приятно, — подал руку Галан, а пристальный умный взгляд точно в душу мне смотрит.

Галан среднего роста. Зачесанные назад густые темнорусые прямые волосы открывают высокий лоб. На висках ранняя, словно иней, седина.

Он задерживает в своей руке мою руку. С гнетущим чувством неловкости, мысленно говорю себе: «Тактично молчи, а сам, наверно, думает: Партийный секретарь... Неужели не нашлось товарища пососиднее?»

Не совсем так, но с нескрываемым удивлением он говорит:

— Такой золотоволосый, тоненький и молодой секретарь партийной организации?

Петро Козланюк с присущим ему юмором восклицает:

— Один мудрец сказал, что старость — наше богатство. А я скажу, молодость — это тот недостаток, который с годами бесследно проходит.

Пока Петро Козланюк и Антон Хижняк о чем-то беседуют, мы стоим у открытого окна.

— Ярослав Александрович, значит, полку коммунистов в нашей организации прибыло, вы становитесь к нам на партийный учет?

Галан молчит.

— Вы не будете жить во Львове?

— Почему же? Хотя моя жена москвичка и очень любит Москву, мы решили жить во Львове. А с постановкой на партийный учет даже не знаю, как быть... Я коммунист, но партийного билета у меня пока нет...

Теперь в недоумении молчу я.

— Случилось так... — продолжал Ярослав Александрович, — двадцать пятого мая 1941 года на общем собрании коммунистов Львовской писательской организации меня единогласно приняли в ряды ВКП(б). Материалы для утверждения послали в Чехословацкий райком партии семнадцатого июня. Но их не успели рассмотреть: через пять дней на страну обрушилась война...

— А сейчас вы обращались в райком?

— Конечно. Обещают отыскать документы в партийном архиве... Но считайте, что коммунист Ярослав Галан уже на партийном учете. Буду продолжать выполнять свой долг — беспощадно бороться с

явным и тайным фашизмом.

Раздался телефонный звонок. Трубку снял Козланюк — он сидел ближе к телефону.

— Тебя, Славко. Из книжно-газетного издательства «Радянський Львів» просили Галана зайти.

— Чуть не забыл! — спохватился Петро Степанович, — сегодня, Злата, последний срок сдачи вашего очерка в альманах.

Трагическую быль о львовском Доме ребенка, который фашисты вывезли для своих медицинских экспериментов на территорию Чехословакии (часть детей удалось спасти чешским партизанам), я назвала «Им спасли жизнь». Рукопись была при мне, и я сказала, что сейчас отнесу ее в издательство.

вы, когда был без куска хлеба и не мог найти никакой работы. Помню: один знакомый скрипач — он работал в кинотеатре — на 6 дней уступил мне свое место, я играл, сопровождая немой кинофильм. Так спасался от голода...

— Ярослав Александрович, какие любите цветы?

— Все люблю... Но особенно... ромашки. Когда Мария, моя жена, а вас с ней познакомлю, ставит на письменный стол это белое чудо, я словно возвращаюсь в детство...

— Какое достоинство вы больше всего цените в женщине?

— Верность.

— Ваше представление о счастье?

— Счастье... — задумался Галан — бороться и побеж-

ка, — ласково проговорил Галан. — Мы тебе поможем. Пойдем с нами.

До конца улицы Чайковского не больше ста метров. На углу Академической помещается продуктовый магазин. К нему были прикреплены писатели, художники, композиторы, актеры театров.

— Предъявите ваши карточки, — просит дежурный при входе.

— Прошу, — Галан показывает карточки, пропуская впереди себя все еще всхлиывающую девочку.

В комнате заведующей магазином Ярослав Александрович рассказывает, что привело нас сюда.

Заведующая магазином — фронтовичка. На груди у нее — боевые награды.

Златослава
КАМЕНКОВИЧ

ИСПОВЕДЬ

Воспоминания о Ярославе Галане

— Нам по пути, товарищ Злата, — проговорил Галан.

По узкой улице Спартака направляемся к центру города. Неожиданно Галан предлагает:

— Поиграем в «Исповедь». Конечно, вы знаете, что эту игру очень любили Карл Маркс и его дочери? И так, кто первым будет исповедоваться?

— Вы, Ярослав Александрович, — спешу сказать.

— А вы не нарушите тайну исповеди?

— Нет, что вы!

Галан смеется: — Пусть будет по-вашему! Спрашивайте.

— Достоинство, которое вы больше всего цените в советском человеке?

— Преданность своей Отчизне. Любовь к своему народу-труженику. Гуманность, отвагу, честность, справедливость, доброту...

— Ваш любимый поэт?

— Если назову только одного, покровив душой. А люблю я: Шекспира, Данте, Байрона, Шевченко, Франко, Мицкевича, Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского, Бажана, Твардовского, Малышко...

— Ваши любимые композиторы?

— Бетховен, Моцарт, Лист, Шопен, Чайковский.

— Любимый музыкальный инструмент?

— Скрипка... Ее люблю нежно как можно любить верно-го, преданного друга... Знаете, в тяжелые годы моей жизни меня всегда спасала моя скрипка, и когда вырвался из тюремных застенков дефензи-

дать.

— Ваше представление о несчастье?

— Бесцельность существования.

— Кого вам больше всего жаль?

— Бабочку-однодневку. И еще черепаху.

— Почему черепаху?

— Она ужасно медленно двигается. При ее крепком панцире надо быть попроворнее.

— Ваш девиз?

— Борьба... Любовь к жизни... Помните у Лермонтова? «И если б не ждал я счастливого дня, давно не дышала бы грудь у меня!». Где есть жизнь, нет места пессимизму.

С улицы Спартака мы свернули на улицу Чайковского.

И тут услышали сдавленный детский крик:

— Боюсь идти домой!

Небольшая толпа людей окружила худенькую девочку лет десяти. Она безутешно плакала.

Мы подошли ближе.

— Езус Мария... — сочувственно вздыхала старушка. — И хлебные, и продуктовые... А в семье двое детей, парализованная бабушка. Одна мать работает. Я их знаю...

— Да, месяц только начался... На рынке, у спекулянтов буханка черного хлеба стоит семьдесят рублей, — ужасалась женщина с ребенком на руках.

Инвалид на костылях и в шинели поясняет нам:

— Потеряла, а может, выпачкали карточки на весь месяц.

— Не надо плакать, девоч-

ка, — передача карточек, прикрепление к этому магазину постеронных лиц, сами знаете, — нарушение. Но раз такая беда приключилась... А сами-то как будете? — вздыхает заведующая.

Галан молча кладет на стол свои карточки. Я — только обе детские — хлебную и продуктовую (сыну пять лет, на мой паек вдвоем как-нибудь проживем).

Заведующая зачеркивает наши фамилии, пишет фамилию девочки, затем ставит печать и говорит:

— Сейчас можешь выкупить пятьсот граммов хлеба по карточке писателя. По детской — двести. Завтра будем отоваривать талоны на жир и сахар. Приходи с утра.

— Деньги у тебя есть? — озабоченно спрашивает Галан.

— Да, — разжимает кулачок девочка. — Пять рублей.

Галан записывает адрес и обещает навестить семью.

...Прошло три года. Галан живет во Львове. Много ездит по городам и селам области. Выступает в газетах со статьями на злобу дня. Писателя можно встретить среди студентов университета, в политехническом институте. Выступления на предприятиях, в колхозах, перед интеллигенцией. Выступления страстные, взволнованные.

В один из на редкость теплых дней, после прошумевшего недавно пивня встречаю Ярослава Александровича в центре города.

— Уже нашлись в архиве

документы? — спрашиваю с надеждой.

— Да нет, — отвечает Галан. — Буду вновь подавать заявление о приеме.

...Июльский полдень 1949 года.

Наша, тогда, после войны, еще небольшая писательская первичная партийная организация, собралась в редакции журнала «Радянський Львів».

Присутствуют коммунисты: Петро Козланюк, Борис Буряк, Владимир Беляев, Михаил Бириков, Антон Шмигельский, Василий Глотов, Михаил Пархоменко и я.

Председателем собрания выбирают Бориса Буряка, меня — секретарем.

На повестке дня — прием писателя Ярослава Александровича Галана в партию.

Принят кандидатом в члены партии единогласно.

Помню, какой радостью светилось его лицо, когда он подходил к каждому. Горячо пожимая наши руки, говорил: — Сердечно благодарю за доверие...

В том же месяце бюро Сталинского райкома КП(б)У утвердило решение нашей первичной организации.

А спустя много лет в архивах обкома партии был найден протокол собрания от 25 мая 1941 года, где рассматривалось первое заявление Ярослава Галана с просьбой принять его в ряды коммунистов.

...Осень во Львове пахнет яблоками и цветами.

У Галицкого рынка лицом к лицу сталкиваюсь с Марией Александровной, женой Ярослава Галана. Букет огромных белых хризантем почти закрывает ее красивое лицо.

— Жаль, отцвели уже Славкины любимые ромашки, — улыбается она. — Но, правда, чудесные хризантемы!

В тот же полдень, такой теплый, пронизанный солнечными лучами, как смертельный удар молнии, всех поражает жестокая весть.

Убит Ярослав Галан...

Взрыв гнева, жгучей боли, горе, от которого умирают даже слезы.

У гроба в скорбном молчании стоят жена, родные, близкие.

Сменяя друг друга, стоим в почетном карауле, мы, его товарищи.

Нескончаемым потоком проходят львовяне, прощаясь с любимым писателем.

Рука убийцы вырвала его из жизни. Но он остался в наших рядах, осталось его пламенное слово Трибуна. Живое слово Галана.